Мишин М.

26/III 88

Молодежь Эстонии
г. Таллин

26 МАР 1988

2.

ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА

КАРУСЕЛЬ

ДЛЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ

Имя на слуху

НЕ БЫВАЕТ ГОРНОГО ХРЕБТА ИЗ ОДНИХ ВЕРШИН

Она — актриса. Ее зовут Татьяна ДОГИЛЕВА. Таллинский зритель восторженно аплодировал ей на спектакле «Жестокие игры» во время гастролей московского Ленкома. С тех пор она поменяла сценические подмостки, уйдя в театр имени Ермоловой, а также резко запомнилась в фильме «Забытая мелодия для флейты».

Он — писатель-сатирик. Его зовут Михаил МИШИН. Мы читали его рассказы в газетах и журналах, слышали по радио и телевидению, а совсем недавно — живьем, на сцене Дворца культуры и спорта. Впрочем, писатель — не актер, его талант пересказывать не надо: пожалуйста, читайте ниже (или рядом — это уже как смакетируют газетную полосу).

Они — муж и жена. Или — жена и муж. В общем, супруги. Мы предоставляем им сегодня слово. Сначала — ему. Во-первых, потому, что он — глава семьи. Во-вторых, она в настоящий момент читает газету и подчеркивает, что глава семьи — он.

Он раздражен. Во-первых, тем, что корреспондент неточно формулирует вопросы. Во-вторых, что приходится отвечать, а он хочет, чтобы отвечала она. Но вопрос — к нему. Потому что он, а не она, — писатель-сатирик. И он, а не она, делает недовольное движение плечом, когда корреспондент его таковым называет. Но корреспондент настаивает на своем.

— Вы что же, себя таковым не считаете?

Он. Да нет! Я считаю себя таковым, каковым меня считают окружающие. Просто разные люди в это понятие разное вкладывают. Щедрин — писатель-сатирик. Твен — писатель-сатирик. Задорнов — писатель-сатирик. Я — писатель-сатирик. Что это такое? У нас это слово девальвировано, оно превратилось в какой-то ярлычок, который ничего не определяет. Писателем-сатириком стали называть человека, который выходит на сцену с двумя листочками бумаги и что-то говорит. В Москве возник клуб писателей-сатириков. Кто такие? Что за клуб? Клуб сатириков! Их в мировой литературе можно по пальцам пересчитать, а тут — клубы. Как грибница какая-то!

— Вот и хотелось бы представить себе состояние человека, который берется писать в этом жанре.

Он. А что значит — берется? Это ж не просто себя назначаешь: сегодня я буду сатириком, завтра лириком, а послезавтра — баталистом. Склонность характера — я пытаюсь говорить в меру своих скромных возможностей о том, что меня беспокоит. При этом я использую средства, которые вызывают смех, — тем лучше. Слава богу. Если это получается.

— У вас — получается?

— Не знаю. Но стараюсь, чтобы это было средством, а не целью, хотя и просто насмешить людей — тоже, наверное, неплохо. Но мысль для меня важнее. Мне хочется говорить о серьезных вещах, но если это вызывает смех, если меня называют сатириком и если это соответствует высокому смыслу этого слова, — на здоровье.

— Спасибо. А сейчас, когда обо всем так открыто, яростно и подробно заговорили, стало тяжелее, наверное?

Он. Стало тяжелее, конечно. Раньше достаточно было намекнуть на то, что все знают, а говорить не принято, и все перемигивались и понимали друг друга. Достаточно было коснуться запретной темы — и все были довольны. Сейчас намек не проходит, спекуляция на тему — неинтересна. Потому что в газете все это с фамилиями, адресами и цифрами наворованного. Поэтому на первый план выходит то, что и должно быть, — просто качество. В том числе и сатирической литературы. Кто-то в этой меняющейся обстановке выдержит, кто-то перестанет быть интересным. И это будет только справедливо.

— А те процессы, которые происходят сейчас в нашем обществе, вызывают у вас вдохновение?

Он. Надежду. Они вызывают у меня надежду. Как у всех нормальных людей, полагаю.

— И нет ощущения, что многое гораздо больше происходит на уровне слова, нежели дела?

Он. Есть такое ощущение. Но, понимаете, слово — ведь тоже дело, ведь всегда все начинается со слов. Другой вопрос, что долгие годы словами все и заканчивалось. Но уже огромное достижение — что мы можем свободно разговаривать о том, о чем раньше и думать боялись. Правда, мы быстро привыкаем — как нормальные живые организмы, и сразу хотим — еще, и больше, и правильно, что хотим. Все должны помогать этому процессу — в меру своих силенок каждый. Потому что проще всего быть скептиком и говорить: все равно ничего не получится. Но если без конца талдычить, что пойдет дождь, то рано или поздно он все равно пойдет, и тогда можно сказать: вот я был прав. И самое необременительное сейчас стать в наполеоновскую позицию «я чуть сверху, и ничего у них не выйдет». Не выйдет — значит, не выйдет у нас, а не у них.

— У меня вопрос к Тане. Актер — человек более зависимый, чем писатель. Его выбирает не только время, но еще и очень конкретный человек — режиссер. Вы довольны тем, кто и куда вас сейчас выбирает?

Она. Да вроде грех жаловаться. Я играю в театре. В кино сыграла у двух хороших режиссеров — у Рязанова и у Мотыля. А настроение? Глупо говорить, что сейчас все хорошо. Человек всегда чем-то недоволен, всегда ему что-то не нравится — либо в работе, либо в личной жизни, либо в политике государства. Но, стараясь объективно оценить ситуацию последних лет, я понимаю, что мне очень везло: было много работы, а для меня это главное — как для актрисы.

— «Забытая мелодия для флейты» вам нравится?

Она. Я видела эту картину несколько раз, и каждый раз у меня были самые разные впечатления — от восторга до ужаса. И вот здесь я, конечно, очень необъективна. Но считаю, что вне зависимости от результата — фильм вызывает большие споры, я получаю массу писем, и ругательных, и хвалебных, — мне ужасно повезло, что Рязанов взял меня в эту картину. Потому что работать с ним, честное слово, — огромное счастье. Картина может рождать какое угодно отношение, но сам Рязанов — человек удивительно честный. Он может заблуждаться, но никогда не врет. Да, Миша?

Он. У любого художника есть — лучше и хуже. Есть высшие достижения и есть низкий уровень. Это нормально. Не бывает горного хребта из одних вершин. Но Рязанов, по-моему, единственный режиссер в нашей стране, у которого все фильмы постоянно находятся в прокате, все периодически идут на экране, хотя многим из них — пятнадцать, двадцать, больше двадцати лет. И зритель не забывает эти картины. Сейчас много болтовни — элитарное кино, массовое кино. Да что такое — массовая культура? Это когда много народа смотрит? Так это очень хорошо! И надо анализировать, откуда такая любовь к тем же рязановским картинам или к другим фильмам «массовой культуры»? Придумали фестиваль — «Одесская альтернатива». Почему альтернатива? Чему альтернатива? Кино элитарному? Так плохому или хорошему?

— А вы, Миша, имеете отношение к кино, если не считать того, что у вас жена актриса?

Он. У меня были две музыкальные телевизионные ленты — «Сильва» и «Вольный ветер». А недавно вышел альманах кинокомедий по моим рассказам — «Исключение без правил». Жалею, что телевизионный, потому что смех все-таки требует переживания соседей, аудитории, компании. А в одиночку смеяться глупо: сидишь один в комнате и смеешься — в этом есть что-то болезненное. Поэтому мне жалко, и на своих вечерах я даже показываю одну или две из этих коротких картин. Реакция совсем другая.

— Вам нравится актриса Татьяна Догилева?

Он. Нравится. Мы искали актрису на «Вольный ветер», и были какие-то кандидатуры. Но тут я увидел фрагмент спектакля — это была «Гренада» по Светлову. И мое внимание остановила актриса, которая там исполняла семь разных ролей. Я даже не знал ее фамилии. Пришел на «Ленфильм» и говорю: есть то, что, по-моему, нам и надо.

— «Блондинки за углом», где Таня просто великолепна, тогда еще не было?

Он. Нет, картины эти снимались почти параллельно. Со мной стали спорить: толком известна она еще не была, хотя знали, что это Догилева из Москвы, из Ленкома. И я потащил режиссера на пробы «Блондинки». А познакомились мы, когда наш фильм был практически закончен. Так что как актрису я ее полюбил гораздо раньше.

— Вы одобряете то, что она ушла из такого популярного театра?

Он. Семь лет — и одна роль? И обещания, обещания... Это театр Захарова, со своей программой, где Таня была не нужна. И это правильно, что она там была не нужна, но ей от этого не легче. Не думаю, что у нее осталась какая-то личная обида? А, Таня?

Она. Нет, не осталось. И Захаров ко мне прекрасно относится. Но мне надо было играть, а генеральная линия Ленкома...

— Вы в нее не вписывались?

Она. (Пожала плечами и ослепительно улыбнулась).

Он. Она была на периферии. И когда появилась возможность активно работать, конечно, она ее использовала. Вроде бы глупо уходить из хорошего дома в плохой на тот момент. Но там было дело, которое они сейчас пытаются делать, — и дай им бог!

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.